

«КАЗАЦКОЕ ТОВАРЫСТВО» МОГИЛЕВСКИХ МЕЩАН ВО ВРЕМЯ ИНФЛЯНТСКОЙ ВОЙНЫ (ПО ДАННЫМ АКТОВЫХ КНИГ МОГИЛЕВСКОГО МАГИСТРАТА)

Игорь Александрович Марзалюк

Профессор, доктор исторических наук
Заведующий кафедрой археологии и специальных исторических дисциплин
Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова (Беларусь)
E-mail: iharmarzaljuk@hotmail.com

Сюжет, которому посвящен данный текст, касается проблемы невольничества, связанного с воинскими действиями во время Инфлянтской войны. А если более конкретно – про экспедиции на «московскую» сторону за «живым товаром» «показаченных» могилевских мещан добровольцев и продажи ими на могилевском рынке жителей Московского государства.

Как известно, Первый Статут Великопольского княжества Литовского 1529 г. запретил невольничество, но только для жителей своего государства. Свободный человек не имел права продавать себя, либо своих детей, в рабство. Однако потомственные рабы, «челядь невольная», продолжали оставаться собственностью хозяина, рабами становились также уголовные преступники, осужденные на смерть, в случае если потерпевший соглашался сделать их своими невольниками вместо «карання горлом». Вольные люди, если они женились на рабынях, также утрачивали свободу. Однако был еще один источник пополнения количества рабов, о котором упоминает Первый Статут –

«которые полоном заведены суть с земли неприятельское» [8, 115–118]. Именно последней категории невольников посвящен наш текст. К слову будет сказать, III Статут ВКЛ 1588 года, уничтоживший даже само название «невольник», предписавший называть невольников «дворная челядь» и уничтоживший все остальные причины невольничества, фигурирующие в Первом Статуте, эту причину невольничества – военный полон, оставил [9, 322, 347].

Какие же категории могилевских мещан принимали участие в вылазках на московскую сторону? Каким временем датируются наиболее ранние из них?

Благодаря тому, что до нас дошли почти все актовые книги могилевского магистрата, мы имеем возможность составить представление и о подготовке, и о самих участниках таких экспедиций. Источники свидетельствуют, что «в заграничье Московское», в «землю неприятеля московитина», ходили по собственному согласию группы хорошо вооруженных «удавшихся в казацтво», на время такой экспедиции, могилев-

ских ремесленников. Среди участников походов упоминаются горшечники, шубники, шорники и представители иных ремесленных специальностей. С оружием у горожан проблем не было – ибо каждый из них, согласно с нормами магдебургского права, обязан был иметь в доме оружие на случай войны. Наиболее ранние документы про такие походы и захват «живого товара» датированны 1579 г., последний случай зафиксирован в актовых книгах моголевского магистрата – 1581 год [1, 322, 372, 385, 389, 404–405, 427, 489; 2, 63–66; 6, 65, 66, 76, 77, 115, 128, 130, 153; 7, 455, 564–565].

В источниках сохранились и описание ритуалов, связанных с подготовкой таких экспедиций. Представим себе. Моголев. Идет воскресная служба в православной церкви. Отдельной группой, в полном вооружении, стоят «показаченые братья». После причастия все участники будущего похода торжественно клянутся один другому делить добычу в походе справедливо, поровну.

иж коли есьмо шли за границу, тогды он з иншыми товаришами своими, зо мною и з моими поставене такое учынили и руки межи собою дали, и словом своим прирекли, иж в одном товаристве з нами мели быт, и ест ли бы што Пан Бог послал, то мы мели, вышедшы заграничья, в ровный дел добыч свою межи собою розделить [1, 372].

Что касается конфессионального состава участников. В то время в Моголеве среди горожан не было ни одного католика, как, естественно, и ни одного католического костела в городе. Как видим, принадлежность к православию не мешала ходить православным мого-

левским горожанам в поисках добычи на московскую сторону. Подчеркнем, их никто не принуждал к этим походам. Это было, так сказать, «инициатива снизу», которая исходила от самих жителей города. Заметим, важнейшей и единственной целью, с которой моголевцы ходили на «московскую» сторону, был тривиальный грабеж и захват в плен и продажа в неволю населения соседнего государства. Отряды передвигались по чужой территории ночью, избегали встречи с московскими войсками, нападали на деревни на рассвете, грабили все, что только можно было найти в крестьянских домах:

Року 1579 Ивашко Сопронович ходил за границу в товариство в козацтво под Смоленск и тут есмо достали сполне кобылы две, робят москалей два, овчын двадцат чотыры, овец чотыры, замок нутреных чотыры, узоловья дерюги две, сермяк один, мисы три, ковшы два, косы три, топоров сем, скобли две, воску <...> волны рун триидцат, чоботы трои, ковши три, скобли две, сорочек дванадцать [6, 76, 77].

В источниках нет ни одного упоминания о плене и продаже в невольничество взрослых мужчин. Во время нападения они защищали свои семьи, и их, как правило, убивали на месте. В плен выводили женщин и детей. Во всяком случае, все уцелевшие акты купли-продажи невольников в Моголеве, говорят только о них. Естественно, что особенным спросом пользовались молодые, здоровые женщины. Кстати, именно из-за них чаще всего среди участников «выправ казацких» возникали конфликты, которые приводили к разбирательствам в магистратском суде. Очень часто

случалось так, что пообещав выплатить за «московку» «братам» долю ее реальной себестоимости на невольническом рынке, участник экспедиции, став ее хозяином, это делать не спешил. Не всегда дележка добычи признавалась всеми участниками справедливой. Так на почве нечестного раздела добычи в сентябре 1579 года произошел конфликт между могилевцами Богданом Кузьминичем и Жданом Ахремовичем. Богдан Кузьминич пожаловался в суд на бывшего собрата по оружию о несправедливом захвате последним у него «здабычы заграничной». Однако Ждан оспаривал эту жалобу якобы имевшей место Богданом «братской присяги» о ровном разделе добычи:

кгдажмы вжо за заграничя вышли и вжо на стану будучы, хотели межси собой делитсе, нижли он сам тых речей, што мел з сваими товаришами, в дел ровный дат не хотел, то пак я на станъ его ни з якими помочниками не находил, але мене пан Тудовский, яко старший между нами будучы, казал его добычы взят в дел, што я взял московку, коня слепого, жеребят двое, овчын одиннадцать, а не так много, яко он жалуеть [1, 372].

Молодая, здоровая женщина-«московка» в Могилеве во время Инфлянтской войны стоила от 2 до 5 коп грошей литовских. Подростка можно было приобрести за 1 копу [1, 332, 372, 385, 389, 404, 405, 427, 489; 6, 65, 66, 76, 77, 115, 128, 130, 153; 7, 455, 564, 565]. Коп грошей литовских была равна 2 талерам. Это были достаточно большие деньги. Для сравнения: согласно III Статута ВКЛ 1588 года 2 копы грошей литовских стоил хороший конь, либо вол.

Имел ли какие-нибудь шансы освободиться проданный в рабство пленник? Все зависело от того, на каких условиях он был продан. Самой легкой формой неволи было продажа во временное рабство, «на выробок». В данном случае пленник должен был отработать определенный в акте купли-продажи срок. Этот срок отработки рассматривался как компенсация покупателю за выплаченные им деньги за невольника. Обычно срок временного рабства колебался от двух до четырех лет. Именно на таких условиях в августе 1579 года была продана «московка» Соломонида:

и ж полонянку московку Соломониду, которую достал будучы за границею у земли неприятельской, которую продал на выробок учтивому Тимошку Бутаку, мещанину могилевскому, за копы две грошей монеты и личбы литовской, которую маеть он у себя держати до трех лет, а по трех летех волно маеть быть от него пуцона, а в неволи держана не маеть быти, кому хотя, тому маеть служити [1, 332].

Однако в то же время для пленных существовало и пожизненное рабство. В актах купли-продажи встречаем такие понятия как продажа «вечна» или «абел вечна». В таких случаях человек становился челядью невольной до смерти, как и его наследники. Правда, и в этом случае у пленного оставался шанс стать вольным. В актах купли-продажи оговаривалось, что в том случае, если полоняника находили его родные, хозяин обязан был продать им его по той же стоимости, за которую приобрел. Весьма показательны в связи с этим условия торговой сделки,

которая произошла в Могилеве 17 октября 1579 года:

иж московку полонянку, на име Матруну Теренина и з дитятем ее сыном, которую взету на Крапивне, в тых часех не давно прошлых, тую жонку выш помененую прадал обел вечне учтивому Кузме Тарасовичу, мещанину могилевскому, за три копы грошей монеты и личбы литовское, которой жонки на потом сам откупит не маю, толко ест бы се трафил оней жонки муж або приятел з Москвы, тогда тую московку на окуп мает дат у ее сторону, а в Литву а ни до Полски не мает дават [1, 404–405].

Источники позволяют проследить, какими видами деятельности занимались маленькие невольники. Пленные «москалики» использовались в качестве домашней прислуги, лакеев, нянек по досмотру за маленькими детьми. Источники свидетельствуют, что в домах богатых могилевских мещан, представителей магистрата, цеховой старшины, купечества, для «*паслугов хатних*» использовались «*челядники москалики*» [1, 389, 404–405, 427, 489; 3, 344]. Однако необходимо отметить также и факты усыновления и выкупа маленьких рабов бездетными могилевцами у их хозяев. В 1581 году Апанас Демидович, шубник могилевский, выкупил у некой Марины Жидкой «*москалика*»:

Москалик каб у неволи вечне не зостал <...> иж его взял не у неволю, але яко

за власное дитя. Которое переховат также кормити, адевати, и тому ремеслу што сам умеет, шубничеству, научить. А кгдаы тому Федку Макаравичу лет зупольных дойти, волно ему будет кому хотя служитьи [7, 564–565].

Несмотря на тот факт, что нами обработан весь массив могилевских магистратских книг за вторую половину XVI–XVII веков, ни одного случая определения в этих источниках населения Московского государства с «*Русью*», со стороны могилевских мещан, нами не выявлено. Наоборот, эти два понятия в актовых книгах последовательно разводятся и противопоставляются. Устойчиво определяя себя «*русинами*», «*рускими*», «*Русью*», как и свой язык, книги и произведения искусства, в отношении к соседям с востока могилевские мещане последовательно использовали термины «*москва*», «*москвичи*», «*москали*», «*москавитины*», а их язык, книги и вещи называют «*московскими*» [5].

Таким образом, актовые книги могилевского магистрата не позволяют говорить о сохранении на уровне массовых стереотипов могилевского мещанства представлений о этнической одинаковости с великорусским населением. Реалии Инфлянтской войны, отраженные в актовых книгах магистрата, свидетельствуют о обратном – трактовке населения соседнего государства в качестве выгодной воинской добычи, «живого товара».

ЛИТЕРАТУРА

1. АВАК. Т. 39. Вильна, 1915.
2. Голубеў В. Ф. Звесткі з сацыяльна-эканамічнага жыцця г. Магілёва канца XVI ст. паводле актавых кніг гарадскога магістрата // Старонкі гісторыі Магілёва. Магілёў, 1998, с. 63–66.
3. ИЮМ. Вып. 8. Витебск, 1887.
4. ИЮМ. Вып. 30. Витебск, 1903.
5. Марзалиук І. А. Актавыя кнігі магілёўскага магістрата XVI–XVII ст. як крыніца па гісторыі ментальнасці беларускага мяшчанства // *Castrum*,

urbis et bellum. Зборнік навуковых прац. Баранавічы, 2002, с. 263–271.

6. Нацыянальны Гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). Ф. 1817. Воп. 1. Адз. зах. 1. Актавая кніга Магілёўскага магістрата 1577–1579 гг.
7. НГАБ. Ф. 1817. Воп. 1. Адз. зах. 2. Актавая кніга Магілёўскага магістрата 1580–1581 гг.
8. Статут Великога княжества Литовского. 1529 г. Минск, 1960.
9. Статут Вялікага княства Літоўскага. 1588 г. Мінск, 1989.

MOGILIAVO MIESTIEČIŲ „KAZOKŲ BENDRIJA“ LIVONIJOS KARO METU (MOGILIAVO MAGISTRATO AKTŲ KNYGŲ DUOMENIMIS)

Igor A. Marzaliuk

S a n t r a u k a

Straipsnis skirtas nagrinėti Mogiljavo miestiečių „Kazokų bendrijos“ veiklai Livonijos karo metu, baltarusių miestiečių išpuoliams į Maskvos valstybės teritoriją, šios valstybės gyventojų grobimo ir pardavimo į vergiją klausimams. Straipsnyje pateikiami duomenys apie „gyvosios prekės“ kainas, taip pat sąlygas, kuriomis buvo parduodami belaisviai.

“COSSACK ASSOCIATION” OF MOGILEV PETTY BOURGEOISIE DURING THE INFLANT WAR (ACCORDING TO DATA OF MOGILEV MAGISTRATE’S ACT BOOKS)

Igor A. Marzalyuk

S u m m a r y

The article deals with the activities of the “Cossack association” of Mogilev petty bourgeoisie during the Inflan War. The author also shows how Belarusian petty bourgeoisie seized dwellers of the Moscow state and sold them into slavery. The article contains information about the costs of people and the conditions on the basis of which the slave-trade was carried out.

Įteikta 2012 05 02

Parengta skelbti 2012 10 08

Получено 2012 05 02

Подготовлено к печати 2012 05 08